

Copyright © 2024 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1766-1775
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1766

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Uprising of Kenesara Kasimov in the Historical Discourse of the Russian Military and Researchers of the XIX – early XX centuries

Ardak K. Kapyshev ^{a, *}, Igor R. Prokhorov ^b, Anna I. Svinarchuk ^c

^a Kokshetau University named after Sh.Ualikhanov, Republic of Kazakhstan

^b National Archive of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The work is devoted to the study of the documentary heritage created by the Russian military, historians and administrators, as well as by the leader of the uprising Kenesary Kasimov during the national liberation movement in the Kazakh steppe in the 20-40s of the XIX century.

In pre-revolutionary Russian historiography, these events were regarded as the rebellion of the rebellious Sultan Kenesary Kasimov. According to archival documents, the authors trace the course of the uprising, the participation of the main actors in it, the goals and objectives that they set for themselves. The paper raises the actual problem of constructing historical discourse by the Russian administration in relation to the indigenous population of the Kazakh steppe. The deconstruction of discourse is given, that is, the understanding of the text through the destruction of myths, and the discursive analysis of texts.

The central concept of the work is discourse, that is, a set of statements that generate mental images. The authors move from the texts and the situation of the creation of these documents to the reaction and perception by other participants – the central and regional authorities, local Kazakh elites. According to the documents, the desire of the Russian administration to ideologically unite Kazakhs and Russians in the fight against the rebellion of Kenesary Kasymov is traced.

In general, the historical discourse was intended to present the events as joint actions of Russians and Kazakhs against the rebel sultan. The documentary discourse shows that the Russian administration has done everything possible, on the one hand, to legitimize its actions, on the other hand, to shift the burden of the struggle against Kenesary, including military and financial, onto the Kazakhs themselves.

Thus, armed Russian detachments are equipped with funds collected from the local population – from a kibitosh collection. In addition, Kazakh fighters are included in the armed detachments to fight Kenesary. Also, the duty of forming military detachments of Kazakhs is assigned to the sultans themselves, the rulers who became officials of the imperial administration in the Kazakh steppe and received Russian military ranks.

Keywords: discourse, the Russian Empire, Kenesary Kasymov, Border management of Siberian Kyrgyz, Border management of Orenburg Kyrgyz, Vasily Perovsky, Orenburg Governor-Genera, Kazakhs, Khiva.

1. Введение

История борьбы султана Кенесары Касымова против установления российской власти в казахской степи, возведения военных укреплений, административно-политических центров, реализации Уставов «О сибирских киргизах», «Об оренбургских киргизах» нашла отражение в многочисленных исследованиях начиная с середины XIX в. и по наши дни. Интерес к этой теме не остывает. Спектр оценок событий за прошедшие почти 200 лет оказался чрезвычайно широк:

* Corresponding author

E-mail addresses: ardak.kapyshev@mail.ru (A.K. Kapyshev), prokhorov1974@mail.ru (I.R. Prokhorov)

от реакционного феодально-монархического движения, бунта, грабежа, предательства и неблагодарности до национально-освободительной борьбы.

Между тем вся научная литература, отражающая столь обширный спектр мнений, во многом основана на одних и тех же письменных источниках XIX в. Поэтому осмысление исторических источников, целей их создания и условий, при которых они были созданы, нуждается, на наш взгляд, в более глубоком изучении с применением различных методов. К тому же некоторые ценные архивные материалы по этой теме еще не полностью введены в научный оборот. Исходя из этого авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд теоретических наработок, материалов и источников XIX – начала XX вв.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены письма Кенесары российским военным и гражданским администраторам с разъяснением требований восставших. Кроме того, использованы донесения российских разведчиков и руководителей военных отрядов, сражавшихся с Кенесары, а также публикации XIX, начала XX вв., посвященные осмыслению произошедших событий местным казахским населением и российским обществом. Малоисследованные документы по истории противодействия российской администрации планам Кенесары Касымова выявлены авторами этой статьи в Государственном архиве Оренбургской области Российской Федерации (Оренбург, Российская Федерация). Так, в фонде 6 «Канцелярия генерал-губернатора» имеются малоизвестные сведения о военных столкновениях восставших с российской администрацией. Кроме того, в фонде «Оренбургская пограничная комиссия» представлено малоизвестное обращение руководителя этой комиссии, генерала Обручева, к казахам с призывом не поддерживать Кенесары и пояснениями, что российская администрация действует в интересах всех казахов, а казахи и русские вместе борются с мятежником (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 69).

Кроме того, в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва, Российская Федерация) ряд дел, связанных с Казахстаном, до сих пор не был выявлен историками. Эти документы позволяют, к примеру, лучше понять цели и задачи, поставленные перед восставшими Кенесары Касымовым. В частности, в фонде 405 (Оп. 6. Д. 1569) отложились письма Кенесары российским военным, в которых он выдвигает свои условия мира.

Редкие и малоизученные документы по истории восстания и об оценках, которые давали ему современники событий, авторы этой статьи выявили в Государственном архиве города Астаны (Астана, Республика Казахстан), а также в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Казахстан).

2.2. В работе использованы теоретические наработки по историческому дискурсу и его деконструкции. Методологию деконструкции исторического дискурса разрабатывали Е.М. Мусаева, А.В. Лубский, Д. Тош, Р. Барт, А.П. Миньяр-Белоручева, Н.Д. Арутюнова, Р.Д. Коллинвуд (Мусаева, 1997; Лубский, 2014; Тош, 2000; Барт, 2003; Миньяр-Белоручева, 2015; Арутюнова, 1998; Коллинвуд, 1980). В статье использовали методы дискурс-анализа и деконструкции.

В результате деконструкции удалось установить, что в нарративном историческом дискурсе российской администрации создавались ментальные конструкции, предназначенные для формирования определенных общественных установок среди казахов и русских. Среди них – ментальная конструкция об общей судьбе казахского и русского народов, о получении казахами выгод от вхождения в Российскую империю, о необходимости совместной борьбы русских и казахов с мятежным султаном, управляемым враждебными казахам государствами – Хивой и Кокандом.

Документы российской военной и гражданской администрации в казахской степи имели не только узкопрактическое предназначение как средство передачи информации и разного рода распоряжений, но и конструировали общественные установки, подталкивали исследователей к определенным выводам и оценкам произошедших событий. То есть служили для оправдания политики, проводимой российской администрацией в казахской степи. Документальный дискурс реализуется с помощью убеждающей коммуникации посредством приведения рациональных доводов, подкрепленных ссылками на свидетельства очевидцев, мнения действующих лиц, в том числе влиятельных казахских родоправителей и султанов, а также путем использования выразительно-образных приемов (метафор, фразеологизмов, идиом). Вместе с тем деконструкция дискурса позволяет установить, что зачастую общественные установки, конструируемые документами, и реальные действия администрации в ряде случаев расходились. К примеру, мирные переговоры и уступки, периодически иницируемые Оренбургской и Сибирской пограничными администрациями, не исключали полного подчинения Кенесары воле правительства, лишения его всякого рода самостоятельного политического значения, а в случае неповиновения – устранения. Для достижения своих целей создатели документов нередко использовали образные устойчивые выражения и приемы речи, которые усиливали эмоциональное звучание текстов. Аналогичным образом поступает Кенесары в своих обращениях. Таким образом, документальный дискурс был призван обеспечить победу в информационном противостоянии.

3. Обсуждение

Широкомасштабное восстание Кенесары Касымова нашло отражение в многочисленных исследованиях российских военных и гражданских специалистов, многие из которых были свидетелями тех событий или общались с их очевидцами. Среди них – Михаил Венюков, Алексей Макшеев, 1869, Михаил Терентьев, Лев Мейер, Сергей Зыков, Иван Крафт, Александр Гейнс (Венюков, 1872; Макшеев, 1869; Терентьев, 1906; Мейер, 1865; Зыков, 1862; Крафт, 1898; Гейнс, 1897).

Все перечисленные исследователи не указывали социально-экономических причин восстания, называя событие бунтом. Большинство историков во главу угла ставили особенности личности Кенесары, приписывая ему непомерные амбиции и тщеславие. Эти доводы исследователи транслировали своим читателям.

Одни из первых собраний сведений и фактических данных о восстании принадлежат историку Николаю Середу, оренбургскому чиновнику, коренному оренбуржцу, много лет прослужившему главой городского самоуправления. Он описывал факты, отстоявшие от него примерно на два десятилетия. Живя в Оренбурге и находясь на государственной службе, исследователь имел доступ ко всем документам, относящимся к описываемым событиям.

Работа Н.А. Середы «Бунт киргизского султана Кенесары Касымова» была опубликована в трех номерах российского журнала «Вестник Европы» в 1870 и 1871 годах (Середу, 1870).

Середу считает, что главной причиной восстания казахов против русской власти была Хива, то есть на первый план выносит внешний фактор, а не внутренние социально-экономические причины (Середу, 1870: 541).

Он убеждает своего читателя, что все зачинщики беспорядков в степи, преследуемые войсками, всегда находили себе там безопасное убежище и радушный прием. Правда, за такое покровительство хивинский владыка посылал своих агентов для сбора с казахов податей, обогащаясь таким образом за счет России. Присваивая себе власть над кочующими близ хивинских пределов подвластными России казаками, хивинцы силою и грабежами вынуждали у них подати (зякет), а эмиссары Хивы, проникая в киргизскую степь с торговыми караванами, под видом мулл возбуждали религиозный фанатизм и ненависть между родами, подучали их не только на грабеж караванов, но и в нападениях на пограничную линию для захвата пленников и продажи их на хивинском рынке в тяжкое рабство (Середу, 1870: 542).

Середу, несомненно, опирался на сохранившиеся в архивах записки российских военных.

Вот, к примеру, после нападения Кенесары Касымова на Акмолинское укрепление российские военные сделали вывод и письменно представили его руководству: причиной восстания стали действия правителей Коканда и Хивы. Последние не только снабдили Кенесары порохом и свинцом, но и прислали своих эмиссаров для сбора ясака. Тем самым они заявили претензии на подчинение себе казахов Среднего жуза, кочевавших в Улытау (РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569. Л. 46).

Впрочем, Середу называет причины, которые российские военные не указывали: распри родов джегалбай (жагалбайлы, – авт.), кипчак, япас или джапас (жаппас, – авт.) и дюрт-кара (торткара, – авт.). Между ними происходили схватки и угон скота (баранта); отмежевание в 1835 году для казачьих поселений Новой оренбургской линии земель, из числа принадлежащих казахам; сбор с казахов подати в размере 1 р. 50 коп. серебром с кибитки в 1836 г. (Середу, 1870: 543).

Как отмечает Середу, главный руководитель восставших, Каип Галиев, бежал в Хиву. Но прежде, чем он успел сойти со сцены, в рядах восставших появляются новые предводители – султаны сибирского ведомства – Касым и Кенесары (Середу, 1870: 501).

Середу отмечает, что хитрый и умный политик, Кенесары поступает с оренбургской администрацией сообразно обстоятельствам: то наводит ужас и страх по обе линии поселений и на аулы мирных казахов, то как будто смиряется и желает прощения, когда лишается поддержки в хивинском хане. Так, в 1840 году гибель главного сподвижника и отца Кенесары, султана Касыма Аблаева, заставила его бежать в Хиву, и на некоторое время степь успокоилась (Середу, 1870: 551).

Эстафету изучения восстания Касымовых после Середы подхватил российский историк и чиновник Николай Аристов, участник комиссии по составлению Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством.

Он доказывает, что султан Касым и его сыновья стояли во главе партии, сопротивлявшейся устройству в степи русских укреплений. Сибирские отряды три раза громили аулы детей Касима и вынудили их откочевать от Кокчетау к реке Чу и в Каратау с 40 тыс. кибиток родов алтай, тока, кирей, уак (Аристов, 2001: 481).

Российский историк и этнограф Павел Небольсин объясняет причины восстания следующим образом: «время от времени в степи появлялись беспокойные батыры, которые, не довольствуясь скромною долею ограниченного молодечества, задумывали составить себе известность подвигами, основанными на самых широких размерах грабежа и хищничества. Особой известностью пользовались Джоломан в двадцатых годах XIX века, в тридцатом году – старшина Исатай Тайманов, бий Есет Котибаров в сорок седьмом году. Ни один порядочный киргиз [казак] не смотрел на этих людей иначе, как на бешенных хищников. Даже известнейшей из искателей приключений, султан Кенесары Касимов, который, при других обстоятельствах, при другом направлении своих

замечательных, блестящих способностей и дарований, мог бы сделаться героем не одного полезного отечеству подвига — и тот одиноко окончил свое нерадостное поприще, самым несчастным образом: его загнали в глушь, лишили влияния на народ и покрыли совершенным бесславием» (Небольсин, 1854: 301).

Исследователь Николай Балкашин, говоря о причинах восстания, утверждает, что оно связано с неполучением Кенесары российского чиновничьего звания «старший султан внешнего окружного приказа» и русского военного чина «майор». Он пропагандирует идею о том, что «когда старшее султанство не получено было Касымом Аблайхановым, то сыновья его Саржан, Кенесары и другие, подобрав недовольных султанов и родовичей, открыто взбунтовались против русской власти... Кенесары десять лет волновал Среднюю и Малую Орды, пытался силой уничтожить степные приказы [местные административные органы российской власти], понуждал киргизов [казахов] откочевывать от Оренбургской и Сибирской казачьих линий к туркестанским странам; сносился с Бухарой и Хивой; получив высочайшее прощение по ходатайству начальника Оренбургского края графа Перовского, предлагал идти вместе войной против Западно-Сибирского губернатора князя Горчакова. А когда в глубине степей на Иргизе, Тургае, Улытау и Актау возвели укрепления и оренбургские отряды при генерале Обручеве начали преследовать его одновременно с западно-сибирскими отрядами, то он напал на каракиргизов, намереваясь захватить их горные кочевья для киргизов Средней и Малой орды» (Балкашин, 1887: 22-23).

Такова канва событий восстания в изложении российских историков XIX – начала XX вв. Для них Кенесары — мятежник, не обделенный, однако, талантами и харизмой, который может склонить на свою сторону соотечественников. И если большинство историков стараются не указывать причин национально-освободительного движения, то Середа все-таки объективно отмечает одну из них — отмежевание земель в пользу казаков. Однако и для него главная причина восстания — негативное влияние на казахов хивинского государства.

Теперь обратимся непосредственно к источникам, созданным современниками и участниками событий, связанных с восстанием Кенесары. Вот, к примеру, «Дело о формировании отряда под начальством Лебедева для рассеяния скопищ султана Кенесарова, 1844 г.» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 1). В нем — предписание Оренбургского военного губернатора: «Командир Отдельного оренбургского корпуса 14 марта 1844 года дал мне знать, что по Высочайшей воле, сообщённой ему в предписании военного министра от 9 марта за № 2332, разрешается формирование отряда для действий против мятежного султана Кенесары Касымова, и что государь император, вместе с тем, разрешить соизволил исчисленные примерно на снаряжение этой экспедиции 14 тыс. 40 руб. серебром отнести на кибиточный сбор с киргизов» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 1).

Оренбургский военный губернатор пишет: «Наем потребных для поднятия тяжестей отряда 300 верблюдов с седлами, и к ним 4-х возчиков возложить на попечение султанов правителей, назначая за каждого верблюда по 5 руб. серебром в месяц. Сверх этого, озаботиться приисканием 4-х надежных возчиков, коим бы преимущественно были известны места между Тургаем и границей сибирских киргиз» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 2).

Для того чтобы добиться эффекта неожиданного нападения, исправляющему должность правителя Восточной части Орды султану Ахмеду Джантюрину предписывалось «о цели похода никому не объявлять и распустить слух между киргизами, что поход организуется для других целей, а не для действий против Кенесары» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 9-9об.).

Такое же указание от Оренбургской пограничной комиссии поступило исправляющему должность правителя Средней части Орды Араслану Джантюрину и правителю Западной части Орды, полковнику, султану Баймухаммеду Айчувакову (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 11об.).

При изучении документов создается впечатление, что российские власти прилагали серьезные усилия для победы не только в настоящих сражениях, но и в информационной войне. Причем тон задавали самые верхи российской власти в Петербурге.

К примеру, Оренбургский военный губернатор передал в Пограничную комиссию высочайше утвержденную инструкцию для руководства главному начальнику отрядов, назначенных для действий в 1844 году против султана Кенесары Касымова. Во втором ее пункте записано: «стараться всех кайсаков, которые не столь упорно преданы мятежному султану Кенесары, и более были увлечены силою вещей и обстоятельств, привести кроткими мерами к долгу повиновения законному правительству. Им, между прочим, сделаны будут от начальств оренбургского и сибирского надлежащие объяснения с целью привести их в должное послушание и тем отвратить неприятные последствия, могущие для них произойти от дальнейшего упорства в неповиновении» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 68).

По содержанию этого пункта Оренбургской военной губернатор Владимир Обручев создал специальное письменное обращение к казахам (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 68об.).

Кроме того, Обручев направил в Пограничную комиссию 600 экземпляров этого воззвания к казахам и просил передать по 200 экземпляров каждому султану-правителю для распространения среди подвластных им родов. Обручев также просил Пограничную комиссию сообщать об успехах (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 71об.).

К примеру, чиновник особых поручений и губернский секретарь Сотников сообщал начальнику пограничного управления Сибирских киргиз Вишневному о результатах военных столкновений с Кенесары на озере Кургальджино 24 февраля 1844 года. Он писал, что казах баганалинской волости Наурызбай Чойтасов, возвратясь из отделения ибеске, ведения Бабыра Бокончина, заявил Сотникову, что Кенесары прислал Бабыру на имя Сотникова письмо и в подарок лошадь, что в нем написано, ему неизвестно. Впоследствии выяснилось, что это был ответ на послание Сотникова Кенесары от 18 декабря 1843 года. В нем Кенесары предлагалось покориться правительству, прекратить грабежи и в залог искренности возвратить отогнанные у Чингиза Валиева 500 лошадей. Цель этого письма, как сообщает Сотников, была в том, чтобы убедить Кенесары в возможности нового примирения с русским правительством и усыпить его бдительность (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 233).

Губернский секретарь использовал переговоры с предводителем восстания только лишь для того, чтобы лучше подготовить военный отряд к зимнему походу, собрать верных казахов и лошадей. Делалось это потому, что «строевые лошади казаков были изнурены из-за недостатка кормов на Кургальджино» (Национально-освободительная..., 1996).

Сотников приказал заседателю приказа Добровольскому собрать для казаков лошадей и до 200 вооруженных казахов с тех волостей, родоначальники которых обязались выставить их для отряда по первому требованию. Из сведений, собранных близ Кургальджино от казахов, преданных русскому правительству, губернский секретарь заключил, что большая часть местного населения, некоторая от страха, другая из приверженности к Кенесары, начинает колебаться. И только одно присутствие Кургальджинского военного отряда удерживает многих от совершенного отложения от русских и присоединения к восставшим (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 234).

Видя такую ситуацию, Сотников схитрил. Он объявил старейшинам, что прибыл к отряду для прекращения на время военных действий, и что ему будто бы поручено войти в переговоры с Кенесары. Якобы цель была только в том, чтобы собрать людей и лошадей для отряда, который должен будет выступить к Кургальджино не иначе как с началом весны, и то только в том случае, если переговоры с Кенесары не окончатся совершенным его прощением. Однако не все простые казахи, родовые правители и султаны были готовы сражаться с повстанцами.

«К крайнему сожалению моему, вместо 200 человек верных казахов Акмолинский приказ прислал только 48 человек, которые вместе с 6 кокчетавскими казаками, составили 54 человека. Это беспечность Акмолинского приказа была главнейшей причиной некоторых неудач в совершенном мною походе...», — сокрушался впоследствии губернский секретарь Сотников (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 235).

Однако его хитрость имела успех. Сотникову удалось сначала разбить аул кенесаринских тюленгутов, состоящий из 30-40 кибиток. Для этого он послал им на встречу колонну из 25 казаков, прикрыв их с фронта верными правительству вооруженными казаками. Тюленгуты выехали навстречу, полагая, что это отряд Кенесары, и были разгромлены. Этой участи подверглись еще три аула приверженцев Кенесары. Сотников писал: «Если бы Акмолинский приказ доставил требуемое мною количество казахов к отряду, то захватив табуны Кенесары, на свежих лошадях я смог бы разбить всех его приверженцев, аулы которых были расположены по рекам Джебды-Кенгир, Буланты, Белеуты и по западную сторону Кичитау, и пройти еще своевременно на Улытау... Если совершенный мной поход принес небольшую пользу, то все затем неудачи и упущения, критическое положение отряда и незначительность захваченной мною добычи произошли от бездействия Акмолинского приказа» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 245).

После разгрома аулов на Кургальджино Кенесары пришлось откочевать в оренбургские степи, где он попытался найти понимание председателя Оренбургской пограничной комиссии Михаила Ладьженского. Султан направил ему послание, в котором объяснял свои действия несправедливостью и жестокостью руководства Сибирской пограничной линии. Он напоминал, что в 1839 году в Оренбурге генерал-губернатор Василий Перовский и начальник Оренбургской пограничной комиссии генерал Григорий Генс объявили ему всемирноизвестный манифест государя императора о прощении. «Вполне поверив такой милости, мы остановили стрельбу и действия саблями и спокойно пребывали в пространных владениях Его величества», — указывал руководитель восстания (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 9).

В этом письме Кенесары укоряет в коварстве сначала султанов-правителей Орды Оренбургского ведомства, затем губернского секретаря Сотникова. Он пишет: «25 числа прошедшего шагбана [марта] султаны-правители Баймухаммед Араслан и Ахмед с 3-х сторон делали на нас нападение, но не смогли взять и ушли. Мы этим не оскорбились, не рубили саблями и не стреляли в них, дабы не прогневать царя» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 9об.).

Далее султан сообщает, что 21 наурыза во время отлучки его на охоту была ограблена часть его аулов, убито несколько человек и уведена султанша Кунимджан отрядом Сотникова при старшине алтаева отделения Аккушкар — Судалие Худайбендине и султанине Кунгуре Кулчине. С намерением принести об этом жалобу оренбургскому начальству, пишет Кенесары, он прикочевал на Иргиз, но майор Лебедев с султаном-правителем Ахмедом ограбили находившегося при нем батыра

Байкадама. После чего осталось предположить, что «милость надобно ждать от одного бога, а от русских начальников ее не дождешься» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 11).

Кенесары пишет: на «прежнее оренбургское начальство потерял надежду, но услышав о прибытии вашем [Ладыженского] в Оренбург, решился обратиться к Вам с просьбой. От бывшего до Вас начальства я не видал милости, а от Вашего превосходительства ее ожидаю. Если бы Вы, доведя эту просьбу до нашего государя императора, исходатайствовали свободу нашим людям, то было бы спасение Вашей душе за утертые слезы русских и киргизов. Ежели бы Вы это сделали, то я готов исполнить всякое предложение Ваше» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 110б.).

На этом Кенесары не оставил попыток донести свою позицию до российского руководства. В письме председателю Оренбургской пограничной комиссии Григорию Генсу от 7 июня 1841 года он подробно написал о притеснениях и обидах, причиненных казахам казачьими отрядами сибирской линии. Кенесары также указывает, что по примеру предков хана Аблая, принявшего присягу на верноподданство великого государя императора, он расположился кочевать на Есиль-Нуре «уповая на бога и не беспокоясь ни о чем, кроме, как только о спокойствии народа, но вдруг грянул на нас гром следующим образом. В 1825 году назначенный в Каркаралинском приказе заседателем султан Амантай Букеев, питая на нас какую-то злобу и без всякой причины наговорил на нас начальнику того приказа Ивану Семеновичу Карбышеву» (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 8. Л. 1-2).

Карбышев выехал к аулам Кенесары с 300 русскими и 100 казаками, с проводником каракесецкого рода Ябалыком, разбил аулы султана Саржана Касымова с казаками отделений алтай, токи и награбил бесчисленное множество скота и имущества. Он убил 64 человека, остальные же спаслись бегством. «В 1827 году команда из 200 человек, выступившая из Кокчетава под командой Мингряву Метора [так в тексте], разбила аулы отделений Аликен и Чубудь, убила 68 человек, награбила бесчисленное имущество. Это происходило на реке Терис-Аккан. В 1830 году, выступившая из Кара-Уткуля [Акмолы] команда в числе 100 человек под предводительством одного сотника и 600 казахов с султаном Конуркульджой Худаймендиным заманив к себе обманом людей вышеуказанных отделений убила 120 человек, а остальные спасались бегством» (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 8. Л. 3).

Чтобы лучше понять причины восстания Кенесары Касымова, охватившего всю территорию Среднего жуза, на наш взгляд, важно обратиться к письму Кенесары Касымова войсковому старшине Симонову в крепость Актау, отправленному в 1838 г.: «Почтеннейший майор! Извещаю вас, что причина отложения киргиз и ныне существующие военные действия происходят от построения Актауского укрепления; если со мной Хотите быть в мире, то воротитесь обратно и снимите укрепление, мы также находимся в руках Государя, вражды с вами не имеем...» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569. Л. 4).

Далее Кенесары пишет: «не найдя никакого правосудия, прикочевал к Оренбургской линии чтобы искать у великого государя покровительства, приют и убежище и довести до сведения Оренбургского начальства о всех бедствиях, которые претерпел» (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 8. Л. 10).

Однако вскоре Ладыженскому поступили сведения о нападении Кенесары на отряд полковника Дуниковского, который сам готовил нападение на Кенесары, у истоков реки Улкояк (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4371. Л. 5).

Таким образом, документы подтверждают, что и руководство области Оренбургских киргизов, Оренбургской пограничной комиссии не верило в возможность примирения с Кенесары, тайно отправляло вооруженные отряды для его разгрома.

В сентябре 1844 года Ладыженский отправил Кенесары послание. Это достаточно любопытный образец эпистолярного жанра, стиль которого свидетельствует, что создан он не столько для предводителя восставших, сколько для использования в пропагандистских целях.

Чтобы понять предназначение этой переписки, приведем отрывок из него. «Целый округ, дотоле богатый, обнищал, скитаясь по местам бесплодным. Много погибло людей, много утратилось достоинства Ваших соплеменников. Наконец восчувствовав гибель, которую Вы изготовили им, они обратились к своему долгу, а Вы, не находя более средств продолжать там беспорядки, преследуемые по пятам со всех сторон отрядами, обратились в орду Оренбургского ведомства с прошением к бывшему оренбургскому военному губернатору, изъясняя свое раскаяние о содеянном, искали спасения в беспредельной благодати нашего августейшего государя. Достоянейший наместник его в этом крае военный губернатор генерал Перовский, приняв раскаяние ваше за искреннее, решился ходатайствовать всемилостивейшего Вам прощения и государь император снизошел на вашу мольбу. Прощение последовала и объявлено Вам было письмом бывшего военного губернатора 26 мая 1841 года...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 26).

Оренбургское начальство продолжает делать вид, что примирение все-таки возможно. В этой связи в 1845 году увидел свет любопытный документ «Отношение Оренбургской пограничной комиссии Кенесары Касымову о круге прав и обязанностей султанов» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4379. Л. 315-321).

В нем говорится, что казахи, кроме платежа в казну кибиточного сбора в размере 1 руб.50 коп. серебром в год, избавляются по законам русским от всех посторонних налогов, а потому и сбор зякета

султанами не может быть производим. Поэтому деньги, которые Кенесары собирает с подвластных ему казахов, должны быть переданы пограничному начальству (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4379. Л. 316).

Однако Кенесары продолжал собирать зякет. В этой связи оренбургскому начальству стало известно о выступлении рода жаппас против сбора этого налога кенесаринцами.

Как свидетельствуют записи в архиве, «султан Мухаммед Галиев и бий жаппасского рода карагузеева отделения Джангабыл Тюлегенев, прибыв в свои аулы на реке Тургае в урочище Суджарган-Алкау узнали, что брат Кенесары Наурызбай с вооруженными сторонниками приехал к жаппасцам. Наурызбай взыскал с них зякет и учинил разные большие насильственные поборы с них вещами и скотом, касаясь даже до женщин и девиц, остался у жаппасцев и продолжил насилия. Поэтому бий Джангабыл принял меры к истреблению кенесаринцев. Большая часть отряда кенесаринцев была убита, но Наурызбаю с частью сторонников удалось бежать» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2328. Л. 66).

Естественно, такие донесения соответствовали целям оренбургской администрации и подтверждали дискурс российских военных о совместной борьбе казахов и русских против предателя и мятежника Кенесары.

Затем из донесения разведчиков султана-правителя Восточной части оренбургской орды Ахмеда Джантюрина Пограничной комиссии в марте 1845 г. стало известно, что Кенесары осенью 1844 г. посылал к хивинскому хану с подарками нескольких человек. Посланцев этих хивинское начальство приняло ласково и дало позволение на просьбу Кенесары кочевать свободно на землях хивинских за рекой Сырдарьей, а в знак совершенного своего согласия прислало к нему доверенное лицо по имени Базарбай (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2328. Л. 67).

Такие события подтверждали доводы российских военных о том, что причиной восстания Кенесары была Хива, а ее правители стремятся подчинить казахов своей власти (История Казахстана..., 2013: 61).

Эти сообщения показали также российской администрации, что Кенесары ищет пути отступления в Хиву, то есть число его сторонников сокращается, а политика военного давления на повстанцев имеет успех. Вскоре после получения этих данных последовало секретное предписание оренбургского военного губернатора председателю оренбургской пограничной комиссии о строительстве укреплений на реках Ирғиз и Тургай (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2331. Л. 8-15).

В нем говорилось, что «было бы неосторожно вполне доверять искренности честолюбивого кирзиза [Кенесары], который неоднократно изменял своему слову, и потому его императорское величество признать союзником необходимым снабдить меня [оренбургского военного губернатора] наставлениями относительно системы действий, как для упрочения спокойствия в степи, если Кенесара изыявит покорность, так и для строгого его наказания, если он отвергнет предложенное прощение» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2331. Л. 10).

Красной нитью в этом документе проходит мысль о необходимости привлекать казахов кочевать сколь возможно ближе к новым укреплениям, обнадеживая, что они, «находясь под верной защитой войск его императорского величества, смогут свободно кочевать и сверх того иметь средства сбывать через эти пункты свои избытки и приобретать все необходимое. Также планировалось пригласить кочевать постоянно близ этих укреплений родоначальников, которые и прежде кочевали около тех мест» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2331. Л. 12).

Кроме того, российские разведчики сообщили: между казахами идут толки, что Кенесары просил разрешения хивинского хана кочевать за Сырдарьей, но едва ли он когда-нибудь перекочет с обширного на малое пространство, где он при малейшем покушении может оставить и жизнь свою. А, с другой стороны, оренбургские казахи все-таки верят, что при крайней необходимости Кенесары перейдет за Сырдарью, только с большим уменьшением числа табунов лошадей и сожалением оставить свое батырство (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2328. Л. 67).

Пограничный начальник сибирских киргизов [казахов], генерал-майор Вишнеvский сообщил командиру отдельного сибирского корпуса, князю Горчакову 2-му в феврале 1845 года о намерении Кенесары с открытием весны вступить в бой с киргизами [в этом случае название народа правильное, — авторы]. В этой связи Вишнеvский сообщает, что написал главным биям Буранбаю и Качике Пирнасарову, чтобы они «не допустили Кенесару себе во вред, а напротив, если будет возможность, то уничтожили самого его с аулами, и чтобы они уведомили по этому поводу есаула Ньюхалова, который окажет им содействие силами военного отряда».

Вследствие этого к Ньюхалову был прислан от киргизских манапов посол Тагиров (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2).

Есаул Ньюхалов действительно помог манапам одолеть Кенесары, направив свой отряд в Старший жуз с тем, чтобы не допустить бывших там сторонников султана примкнуть к нему (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2).

Известие о гибели Кенесары было получено Оренбургской пограничной комиссией от верных правительству султанов Старшего жуза (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2).

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Тезис о том, что борьба с Кенесары и его разгром выгодны, в первую очередь, самим казахам, в дискурсе российских военных и администраторов приобретает первостепенное значение.
2. В документах российских военных и гражданских администраторов особо подчеркивается мирный характер российской власти в степи, направленность ее деятельности на обеспечение интересов казахов, при этом Кенесары представляется отдельным бунтовщиком, связанным с происками враждебных казахам и России государств – Коканда и Хивы.
3. Вследствие несогласованности между администрациями Омска и Оренбурга восстание Кенесары оказалось продолжительным и массовым.
4. Ведя миролюбивую переписку с Кенесары, русские чиновники прекрасно понимали, что никакого мира с Кенесары не будет, дело идет только к нанесению ему военного поражения.
5. В дискурсе военных прослеживается стремление показать агрессивные действия Кенесары против своего народа причиной для перехода казахов на сторону российского правительства.
6. В документах наблюдается склонность представить руководителя восстания врагом поверивших ему казахов, виновником разгрома их аулов, а русских военных – спасителями казахов.
7. Власти активно использовали в информационном противоборстве сведения о нападениях Кенесары на соплеменников, распространяли среди казахов не только информационные листы, но и рассказы их пострадавших соплеменников о зверствах мятежного султана.
8. Кенесары не только жаловался Сибирской и Оренбургской администрациям на бесчинства казаков, но и посредством переписки с ними пропагандировал свою активную политическую и военную позицию по противодействию установлению российской военной власти в казахской степи.
9. В документальном дискурсе российские власти стараются представить себя защитниками мирных казахов, отделить от восставших сочувствующих России, обещая прощение тем, кто раскается, и, грозя строгим наказанием, упорно сопротивляющимся.
10. Российская администрация отчетливо осознавала (и эта установка проскальзывает в документах), что мира с Кенесары не будет, а борьба будет вестись до его полного уничтожения. Зачастую переговоры о мире с ним были всего лишь военной хитростью.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН АР14871057 «Региональные особенности межэтнических отношений в Северном Казахстане» по программе грантового финансирования Комитет науки МНВО РК (2022–2024 гг.).

Литература

- Аристов, 2001** – Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
- Арутюнова, 1998** – Арутюнова Н.Д. Дискурс. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Балкашин, 1887** – Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. С-Петербург. Типография Министерства внутренних дел. 1887. 59 с.
- Барт, 2003** – Барт Р. Дискурс истории / Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
- Венюков, 1872** – Венюков М. Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их // *Военный сборник*. 1872. № 2. 144 с.
- ГАГА** – Государственный архив города Астаны.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям. Собрание литературных трудов. Т. 1. С-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича, 1897. 589 с.
- Зыков, 1862** – Зыков С. Очерк утверждения русского могущества на Аральском море и реке Сыр-Дарья с 1847 по 1862 годы. // *Морской сборник*. № 6. 1862.
- История Казахстана..., 2013** – История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 3. Караганда: ПК «Экожан», 2013. 496 с.
- Крафт, 1898** – Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург. Типо-литография Н.Н. Жаринова. 1898. 214 с.
- Коллинвуд, 1980** – Коллинвуд Р.Д. Идея истории. Москва: Наука, 1980. 485 с.
- Лубский, 2014** – Лубский А.В. Дискурс исторический / Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Макшеев, 1869** – Макшеев А.М. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1869. 257 с.
- Миньяр-Белоручева, 2015** – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»*. 2015. Т. 2. № 2. С. 8-16.

Мейер, 1865 – *Мейер Л.Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 382 с.

Мусаева, 1997 – *Мусаева Е.М.* Когнитивный анализ способов метафорического представления концепта в историческом нарративном дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1997. 32 с.

Национально-освободительная..., 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под руководством Кенесары Касымова: сб. док. Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

Небольсин, 1854 – *Небольсин П.* Рассказы проезжего. Санкт-Петербург: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 345 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Середа, 1870 – *Середа Н.А.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова. Ч. 1 (1838-1847) // *Вестник Европы*. Том IV. Санкт-Петербург. 1870 г. 156 с.

Терентьев, 1906 – *Терентьев А.М.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. 512 с.

Тош, 2000 – *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. 293 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Aristov, 2001 – *Aristov, N.A.* (2001). Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy. Ocherki istorii i byta naselenija zapadnogo Tjan'-Shanja i issledovanija po ego istoricheskoj geografii [Usuni and Kyrgyz or kara-Kyrgyz. The history of Western civilization and its historical geography]. Bishkek: Ilim, 582 p. [in Russian]

Arutjunova, 1998 – *Arutjunova, N.D.* (1998). Diskurs [Discourse]. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 685 p. [in Russian]

Balkashin, 1887 – *Balkashin, N.N.* (1887). O kirgizah i voobshhe o podvlastnyh Rossii musul'manah [About the Kyrgyz and generally about Muslims subject to Russia]. S. – Peterburg. Tipografija Ministerstva vnutrennih del, 59 p. [in Russian].

Bart, 2003 – *Bart, R.* (2003). Diskurs istorii. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The fashion system. Articles on the semiotics of culture]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 512 p. [in Russian].

CGA RK – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

GAGA – Gosudarstvennyj arhiv goroda Astany [The State Archive of Astana city].

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The State Archive of the Orenburg region].

Gejns 1897 – *Gejns, A.K.* (1897). Dnevnik 1865 goda. Puteshestvie po Kirgizskim stepjam. Sobranie literaturnyh trudov [The diary of 1865. A journey through the Kyrgyz steppes. Collection of literary works]. T. 1. S-Peterburg, Tipografija M.M. Stasjulevicha, 589 p. [in Russian].

Istorija Kazahstana..., 2013 – Istorija Kazahstana v dokumentah i materialah: Al'manah [The history of Kazakhstan in documents and materials: Almanac]. Karaganda: PK «Ekozhan», 2013. 496 p. [in Russian]

Kollinvud, 1980 – *Kollingvud, R.D.* (1980). Ideja istorii [The idea of the story]. Moskva: Nauka, 485 p. [in Russian]

Kraft, 1898 – *Kraft, I.I.* (1898). Sudebnaja chast' v Turkestanskom krae i stepnyh oblastjah [The judicial part' in the Turkestan region and steppe regions]. Orenburg. Tipo-litografija N.N. Zharinova, 214 p. [in Russian]

Lubskij, 2014 – *Lubskij, A.V.* (2014). Diskurs istoricheskij [Historical discourse]. Teorija i metodologija istoricheskoj nauki: terminol. slovar'. M.: Akvilon, 576 p. [in Russian]

Maksheev, 1869 – *Maksheev, A.M.* (1869). Puteshestvija po kirgizskim stepjam i Turkestanskomu kraju [Travels through the Kyrgyz steppes and the Turkestan region]. SPb., 257 p. [in Russian]

Mejer, 1865 – *Mejer, L.L.* (1865). Kirgizskaja step' Orenburgskogo vedomstva [Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. SPb., 382 p. [in Russian]

Min'jar-Beloručeva, 2015 – *Min'jar-Beloručeva, A.P.* (2015). Tipologija istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Elektronnyj zhurnal «Yazyk i tekst langpsy.ru»*. T. 2. 2: 8-16. [in Russian]

Musaeva, 1997 – *Musaeva, E.M.* (1997). Kognitivnyj analiz sposobov metaforicheskogo predstavlenija koncepta v istoricheskom narrativnom diskurse (na materiale anglijskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 [Cognitive analysis of the methods of metaphorical representation of the concept in historical narrative discourse (on materials of English language): dis. ... cand. philol. science: 10.02.04]. SPb., 32 p. [in Russian]

Natsional'no-osvoboditel'naja..., 1996 – Natsional'no-osvoboditel'naja bor'ba kazahskogo naroda pod rukovodstvom Kenesary Kasymova (1996). [The national liberation struggle of the Kazakh people under the leadership of Kenesara Kasimov]. Almaty: Gylym, 512 p. [in Russian]

Nebol'sin, 1854 – *Nebol'sin, P.* (1854). Rasskazy proezzhego [Stories of a passer-by]. Sankt-Peterburg: Tip. Shtaba voen.-ucheb. zavedenij, 345 p. [in Russian]

РГИА – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [The Russian State Historical Archive].

Sereda, 1870 – *Sereda, N.A.* (1870). Bunt kirgizskogo sultana Kenisary Kasymova. Ch. 1 (1838-1847) [The rebellion of the Kyrgyz Sultan Kenesara Kasimov. Ch. 1 (1838-1847)]. *Vestnik Европы*. Том IV. Sankt-Peterburg. 156 p. [in Russian]

- Terent'ev, 1906 – Teren'tev, A.M. (1906). Istorija zavoevanija Srednej Azii [The history of the conquest of Central Asia]. T. 1. SPb., 512 p. [in Russian]
- Tosh, 2000 – Tosh, D. (2000). Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika [The pursuit of truth. How to master the 'skill of a historian']. M.: Ves' mir, 293 p. [in Russian]
- Venjukov, 1872 – Venjukov, M. (1872). Obshhij obzor postepennoogo rasshirenija russkih predelov v Azii i sposobov oborony ih [A general overview of the gradual expansion of Russian borders in Asia and ways to defend them]. Voennyj sbornik. № 2. 144 p. [in Russian]
- Zykov, 1862 – Zykov, S. (1862). Oчерk utverzhdениja russkogo mogushhestva na Aral'skom more i reke Syr-Dar'ja s 1847 po 1862 gody [The conquest of Russia's power on the Aral Sea and the Syr-Darya River from 1847 to 1862]. Morskoy sbornik. № 6. 562 p. [in Russian]

Восстание Кенесары Касымова в историческом дискурсе российских военных и исследователей XIX – начала XX вв.

Ардак Каиржанович Капышев ^{a,*}, Игорь Русланович Прохоров ^b, Анна Ивановна Свиначук ^c

^a Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан

^b Национальный архив Республики Казахстан, Республика Казахстан

^c Кокшетауский университет им.А. Мырзахметова, Республика Казахстан

Аннотация. Работа посвящена изучению документального наследия, созданного российскими военными, историками и администраторами, а также самим руководителем восстания Кенесары Касымовым в годы национально-освободительного движения в Казахской степи в 20-40-е годы XIX века.

В дореволюционной российской историографии эти события расценивались как бунт мятежного султана Кенесары Касымова. По архивным документам авторы прослеживают ход восстания, участие в нем главных действующих лиц, цели и задачи, которые они перед собой ставили.

В работе поднимается актуальная проблема конструирования исторического дискурса российской администрацией в отношении коренного населения казахской степи.

Дается деконструкция дискурса, то есть понимание текста посредством разрушения мифов, и дискурсивный анализ текстов. Центральным понятием работы является дискурс, то есть совокупность высказываний, порождающих ментальные образы.

Авторы двигаются от текстов и ситуации создания этих документов к реакции и восприятию другими участниками – центральной и региональной властью, местными казахскими элитами.

По документам прослеживается стремление российской администрации идейно объединить казахов и русских на борьбу с бунтом Кенесары Касымова. В целом же исторический дискурс был предназначен представить происходящие события как совместные действия русских и казахов против мятежника-султана.

Документальный дискурс свидетельствует о том, что российская администрация сделала все возможное, с одной стороны, для легитимизации своих действий, с другой – для перекладывания тяжести борьбы с Кенесары, в том числе и военной, и финансовой, на самих казахов. Так, вооруженные российские отряды снаряжаются на средства, собранные с местного населения – с кибиточного сбора. Кроме того, в вооруженные отряды для борьбы с Кенесары включаются казахские бойцы.

Также обязанность формирования военных отрядов из казахов возлагается на самих же султанов-правителей, ставших чиновниками императорской администрации в казахской степи и получивших российские воинские звания.

Ключевые слова: дискурс, Российская империя, Кенесары Касымов, Пограничное управление сибирскими киргизами, Пограничное управление оренбургскими киргизами, Василий Перовский, Оренбургский генерал-губернатор, казахи, Хива.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ardak.kapyshev@mail.ru (А.К. Капышев),
prohorov1974@mail.ru (И.П. Прохоров)